

A photograph of a sunset over a city and a body of water. The sun is a bright, glowing orb in the center of the frame, casting a long, shimmering reflection down the water. The city skyline is visible in the background, with buildings silhouetted against the orange and yellow sky. A thin, white contrail from an aircraft is visible in the upper right corner of the sky.

Ник Шумрок

Витька - "придурок"
и другие рассказы

18+

Ник Шумрок

Витька-"придурок"
и другие рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ник Шумрок

Витька-"придуток" и другие рассказы / Ник Шумрок — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-97522-4

В представленном вам тексте герой рассказов очень похож на автора, но не тождественен ему! Вот оценка Ал. Чеснокова (О`Санчеса): "Я не могу сказать, что стиль автора безупречен, но все эти рассказы отнюдь не графомания! Автор - реальный писатель, и его рассказы - настоящая русская словесность, в классическом духе. Традиционное повествование, без стремления к эпатажу. Автор пишет о том, что испытал и прочувствовал, и достоверность описываемого с лихвой перекрывает те или иные огрехи. Советую автору продолжать писать, как голова велит, в надежде, что написанное найдет своего читателя".

ISBN 978-5-532-97522-4

© Ник Шумрок, 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Песни моего века	6
«Ты у меня одна ...»	6
«Я в весеннем лесу пил березовый сок»	11
«В Кейптаунском порту»	16
«И по камешкам, по кирпичикам...»	18
«И поезд улетит в сиреневую даль!» (Заварзины)	21
«Во ку, да во кузнице...»	26
«Губит людей не пиво, губит людей вода...»	31
Витька – «придуток» и другие рассказы	35
«Обезьянка»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ник Шумрок

Витька-"придурок" и другие рассказы

Я не могу сказать, что стиль автора безупречен, но все эти рассказы – отнюдь не графомания! Автор – реальный писатель, никакой не начинающий и его рассказы – настоящая русская словесность в классическом духе, городская проза. Да, обычное, традиционное повествование, без вывертов и стремления к эпатажу, но автор пишет о том, что испытал и прочувствовал, и достоверность описываемого с лихвой перекрывает те или иные огрехи, о которых нет смысла говорить в коротком предисловии.

Советую автору не останавливаться и продолжать писать. Писать, как голова велит, в надежде, что написанное найдет своего читателя. Мне, как читателю, особенно запомнилась "Рыжуха". Неуверен, что монологи-рассказы от имени женицин, покажутся женицинам убедительными, впрочем, это у них надо спросить.

ОСанчес (Александр Чесноков)

Песни моего века

«Ты у меня одна ...»

Её звали Лидка! Мы были одноклассниками, и в начальной школе я дергал её за толстые золотистые косы, она же в ответ бросалась в меня чернильницами. Современные школьники даже не слышали, что это такое – чернильница, а в шестидесятые годы прошлого века ученики писали в тетрадках перьями, не гусиными, конечно, как Александр Сергеевич, а уже стальными. Перед уроком на каждую парту дежурные ставили чернильницу-непроливайку. Это только называлась она непроливайкой, в действительности же чернила были везде – и на партах, и на школьной форме, на пионерском галстуке и, естественно, на руках и физиономиях школьников.

– Анна Прокофьевна, – жаловалась Лидка учительнице, – а Саша ругается. Он меня «гадиной» назвал!

Наказание было строгим. Учительница пересадила меня с «камчатки» на первую парту, прямо напротив своего стола, а рядом посадила её, «ябеду» и «гадину»! Хорошо, что это случилось перед летними каникулами, и во втором классе я снова вернулся в последний ряд.

По-новому я стал смотреть на Лидку классе в шестом. Ведь девочки взрослеют раньше мальчиков. Мы, пацаны, стали замечать, что одноклассницы постепенно превращаются из «гадких утят» в красивых «лебедушек»! На их телах, до этого гладких, стали проявляться разные неровности, на груди и ниже пояса, и рекордсменкой в этом превращении была Лидка. Пока мы, её одноклассники, только начали «оперяться» и еще продолжали играть в войну, она стала пользоваться успехом у старших. В седьмом классе я уже сам был бы не прочь сидеть сней за одной партией, но не знал, как это сделать. Решил воспользоваться старым, но слегка модифицированным приемом – стал при удобном случае к ней прижиматься, а однажды даже положил (как бы случайно) руку на её грудь. «Нахал» – возмутилась Лидка и отвесила мне смачную оплеуху. Учителям она на этот раз жаловаться не стала.

К восьмому классу она обрела почти окончательные свои формы. Говорят, что если хочешь знать, как будет выглядеть твоя невеста через двадцать лет, посмотри на ее мать. Лида и в 14 лет была копией своей матери. В ее фигуре было все – и пышная округлая попа, и талия, и груди третьего, а, возможно, и четвертого размера. Сзади её фигура напоминала формой гитару.

Да, гитара! Как раз в восьмом классе мы все поголовно стали учиться играть на шестиструнке. Это оказалось довольно просто – освоил три аккорда и бой – «восьмерку», и ты уже можешь исполнять под гитару весь небогатый репертуар. «Уа! Уа! Куда вы спешите гурьбой? Уа! Уа! Меня захватите с собой...», выпив самой дешевой «Яблочной» наливки (по 98 копеек), неистово голосили мы под гитару. Когда количество аккордов дошло до восьми-десяти, можно было исполнять и более серьезные вещи. Как раз в это время вышел на экраны фильм «Вертикаль», и мы стали копировать голос Высоцкого. Не припомню уже, кто завез в наш поселок песню, которая всем очень понравилась. Начиналась она словами: «Ты у меня одна...». Уже окончив школу и попав в Ленинград, я узнал, что автор этой песни – Юрий Визбор. А тогда мы с упоением, переиhrывая мотив и слова, пели: «Нету другой такой ни за какой рекой, нет за туманами, дальними странами...!»

Как-то в начале восьмого класса нас вместо занятий отправили собирать картошку на совхозном поле. В то время это было обычным делом. Пока ждали машину, которая должна была нас увезти с полей, развели костер из сухой ботвы и стали печь картошку. Мы часто это

делали, если успевали, а в тот раз машина задержалась. Не то, чтобы мы были сильно голодны, но это же романтично и вкусно, да и вдобавок ко всему еще и погреться можно у костра. Был уже конец сентября, и вечерами становилось прохладно. Мы уселись кружком у огня на свои ведра и, обжигаясь, уплетали за обе щеки выковыренную из углей картошку. Рядом кто-то «мурлыкал» под гитару

– Спой, Саня, свою коронную, – стали упрашивать меня девочки.

*« Ты у меня одна,
Словно в ночи – луна,
Словно в степи сосна,
Словно в году весна!»*

Я пел и смотрел в глаза Лиды! Её губы, как и у всех, были измазаны сажей от горелой картофельной кожуры. Этот образ так и запечатлелся в моей памяти на долгие годы. Показалось тогда, что она поняла: это к ней я обращался словами Визбора. Передав гитару другому, я втиснулся со своим ведром между Лидой и Валей. Мне казалось, что тепло идет не от костра, а от Лиды. Я чувствовал ее тепло, и мне даже показалось, что она сильнее прижалась ко мне. Мне хотелось, чтобы это длилось вечно, но подъехавший грузовик ослепил яркими фарами нашу компанию, все похватили свои ведра и побежали занимать лучшие места в кузове.

С того памятного вечера я постоянно думал о Лиде и, наконец, решил действовать. Написал записку и подсунул на переменке в её учебник. Умне хватило написать: «Ты красивая, ты у меня одна, я люблю тебя...»! Я назначил ей свидание ночью, где-то на окраине поселка, в заброшенном саду. Естественно, она не пришла. Может, не нашла записку, а может, решила, что с дураками, вроде меня, нефиг связываться. Напрасно прождав около часа, я отправился к её дому. Жила она с родителями и братом в «немецкой слободе».

Дело в том, что застройка в нашем поселке делилась на казенную и частную. Частные дома строили в основном немцы: привозили с Урала леса, рубили основательные дома. Помнили еще их старики, как до войны жили в своих домах в республике немцев Поволжья. При доме были все удобства, хозяйственные постройки, колодец, амбары, копильни и обязательно палисад с цветами. Все продумано, чистенько, аккуратненько, ну, как у немцев. Ordnung¹, одним словом. Двор обносили высоким забором с воротами и калиткой, только палисад отделяли от дома редким забором из штакетника, наверное, чтобы с дороги был виден выкрашенный фасад дома, окна с наличниками и кусты с цветами. Много было цветов у немцев.

Преодолев такое несерьезное препятствие, я пробрался к освещенным окнам Лидкиного дома. Не знаю, почему меня не учуяли собаки и не подняли лай? Может быть, и не было у них вовсе собаки. Мы все жили тогда открыто и просто, двери на замок никто в поселке не запирали, когда уходил из дому, разве что набрасывали щеколду, да вставляли в неё палочку, чтобы сквозняком дверь не открыло и не зашла в хату скотина.

Рискуя быть замеченным, я прильнул всей своей глупой физиономией к оконному стеклу. Нормальному обзору мешали занавески с вышитым крестиком готическими буквами и ангелочками, но кое-что в щелку между занавесками я таки увидел. Похоже, семейство уже готовилось ко сну, её мать ходила по комнате в белой ночной рубашке, плотно облегающей богатое плотью тело. Она внимательно посмотрела в сторону окон и, повернув голову, что-то сказала в глубину комнаты. Слов я не расслышал, но сильно перепугался.

– «Неужели заметила?»

Хотел было уже бежать, но увидел, как из-за занавески не спеша вышла Лида, тоже в «ночнушке». Непривычно было видеть ее не в коричневом школьном платье с черным передником. Все её прелести были представлены на мое обозрение. Великолепная грудь с крупными сосками и большими коричневыми ореолами рвалась на свободу из кружевного пеньюара. Она,

¹ Ordnung (нем.) – порядок

наверное, только закончила расчесываться, и волосы, разбросанные по плечам и спине, свисали до самого изгиба спины.

Я сразу же вспомнил, что буквально на днях мы «проходили» по немецкому языку стихотворение Гейне:

*«Die schönste Jungfrau sitzet
Dort oben wunderbar;
Ihr goldnes Geschmeide blitzet,
Sie kämmt ihr goldenes Haar».* ²

– Лорелея! Божественная Лорелея!

Больше ничего я разглядеть не успел, мать подошла к выключателю, и видение растворилось. Я стоял под темными окнами не в силах покинуть место, где был зачарован этой красотой. Пришел домой, погасил свет и долго не мог прийти в себя. Образ моей Лорелеи стоял перед глазами. Счастливый, я уснул только под утро.

В классе старался встретиться с ней взглядом, но она словно специально не смотрела в мою сторону. Меня это сильно мучило, но подойти и объяснить я не решился. Точнее, я даже не додумался до этого простого действия.

Вокруг Лидки всегда крутились многие, но вскоре у неё появился постоянный «ухажёр», и я потерял всякую надежду на взаимность. Страдал, конечно, молча наблюдая за тем, как после занятий её портфельнесет другой, более смелый и находчивый.

– Ну какой же я дурак! Почему не догадался предложить ей свою помощь, решать вместе задачки по математике, в которой она «плавала»?

Моя душевная рана постепенно зарастала, затягивалась, и только услышав в чьем-нибудь исполнении песню: «Ты у меня одна...», на меня накатывала грусть. Сам я, к удивлению окружающих, эту песню больше не пел.

Когда мы закончили восьмилетку, родители отправили Лиду учиться в город, где жили какие-то родственники, а большинство из нашего класса, в том числе и я, доучивались в соседнем колхозе. Поселок основали немцы-колонисты с Украины, переселившиеся сюда по сталинской реформе. В отличие от «наших», бывших поволжских немцев – протестантов, эти были католиками. Кроме немцев, в поселке жили и сосланные в 1939–40 гг. поляки.

С понедельника по пятницу мы жили в интернате, а на выходные за нами приезжал совхозный автобус. По дороге все весело и радостно горланили популярные песни, в том числе и «Ты у меня одна...».

Правду говорят, время лечит, и к концу девятого класса слова этой песни перестали ассоциироваться у меня с Лидкой. К тому же я был снова платонически влюблен. Её звали Эмма. Тоже немка, и тоже фигуристая, как и Лидка.

Все мальчишки в интернате поголовно увлекались культуризмом. Каждый составлял себе комплекс упражнений. Никаких специальных снарядов у нас не было, все делали из подручных материалов. Старые утюги заменяли нам гантели, тракторные катки, надетые на кусок трубы, – штангу. После шести вечера учебники откладывались в сторону и наступало время тягать «железо». На вдохе – полное напряжение мышц, на выдохе – расслабление. Вдох-выдох, вдох-выдох! Одним из важных мотивов для занятий культуризмом было понравиться девочкам! На переменках мы все группировались у перекладины, которая стояла в широком коридоре школы, и изгалялись как могли. Девочки кучковались где-то рядом, о чем-то весело болтали, периодически бросая взгляды в сторону турника.

² Над страшной высотой Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою, Играет златом косы. (Г. Гейне, «Лорелея», перевод А. Блока)

– Юра, а ну-ка склепку – подзадоривают ребята друг друга, заметив, что красавица Валя скосила глазки в нашу сторону.

– Давай, Санек, крутани-ка «солнышко», – орут кореша, увидев, что к группе девчонок присоединилась Эмма.

На школьных вечерах я ждал, когда объявят «белый танец», и она пригласит меня. Пусть это будет Сальваторе Адамо. Как цепляет за сердце эта грустная, но такая пронзительная и нежная песня:

« Tombe la neige

Tu ne viendras pas ce soir

Tombe la neige.

Et mon coeur s'habille de noir». ³

Эмму «увел» у меня из-под носа местный мальчуган. Он не стал ждать, когда она его пригласит на танец, а пригласил сам, но эту душевную «катастрофу» я пережил уже не так болезненно.

Летом я узнал, что «хорошая девочка Лида» будет учиться и жить вместе с нами в интернате, и не мог дожидаться встречи со своей Лорелей! Но увидел я совсем другую девочку. Вместо длинных золотистых волос – короткая модная стрижка, короткая юбка, глубокое декольте. Дешевая помада портила ее рот. Какая-то распушенность, раскрепощенность в ее поведении бросалась в глаза! Она гуляла напропалую с местными ребятами, «колхозниками», как мы их презрительно называли.

Её сразу же невзлюбил наш воспитатель по фамилии Штольц за то, что она часто неявлялась к отбою, или сбегала ночью на свидание через окно. В конце-концов он добился того, что Лидку выгнали из интерната, и последние месяцы перед выпуском она снимала жилье в поселке. Думаю, что для нее это было еще и удобнее: не надо считаться с этим гордецом⁴ и торопиться к отбою.

Окончив школу, я уехал в Ленинград, откуда меня призвали в армию. Уже получив повестку, я вернулся на несколько дней в родной поселок и неожиданно столкнулся с Лидкой. Мы с ней мило поболтали, вспомнили школьные годы и договорились вместе пойти в кино на вечерний сеанс.

Народу в зале было мало, мы выбрали места подальше и потемнее. Как только погас свет, я попытался её обнять.

– Не отвлекайся, смотри кино...

Какое кино? Я больше ни о чем не мог думать, во мне вмиг проснулись юношеские чувства. После сеанса мы «заблудились» на детской площадке, сидели в домике и целовались вза-сос. Только большего она мне так и не позволила. Она, опытная уже женщина, играла со мной, как кошка смышкой, точнее, как кошка с маленьким котенком. Я сильно на нее обиделся, назвал дурой и ушел.

А после армии жизнь затянула меня в свой водоворот: студентки, аспирантки, молодые, пожилые. Успел несколько раз жениться и развестись. Лидку вспоминал, конечно, когда натыкался на её фотографии в старых альбомах. Да, красивая была девочка, но не стала моей единственной. Перевернув страницу альбома, я тут же её забывал. Правда, с песней Визбора ассоциации были стойкие. Как там у Булгакова:

– Вспомнят тебя, вспомнят и меня.

³ Падает снег, Ты не придешь сегодня вечером, Падает снег, И сердце мое накрыла тьма! (мой вольный перевод с французского языка).

⁴ Stolz (нем.) – гордый.

Услышу песню «Ты у меня одна...», сразу вспоминаю хорошую девочку Лиду! Действительно, хорошую, без всяких кавычек. Такой и помнил её, свою Лорелею, увиденную той ночью в окне.

Лет десять, пожалуй, прошло, когда в очередной свой приезд на родину я узнал, что Лида отбывает срок за убийство в лагере. Подробностей добиться ни от кого я не смог, но говорили, что она вместе с любовником убила своего мужа. Где сидит, сколько дали? Первой реакцией было поехать, проведать, но у меня –трое детей, и «новая» жена явно меня не поймет. Жалко Лидку, конечно, стало. Мог ли я подумать тогда, когда дергал этого ангельского ребенка за косы, что так трагично сложится ее судьба?

И опять лет, пожалуй, через десять, в очередной свой приезд, я встретился с бывшей одноклассницей Валеи. Ну, разговорились, начали вспоминать школьные годы, одноклассников. Слово за слово вспомнили и про Лидку.

– Где она, как? Давно освободилась? Где живет?

– Да Лидка живет недалеко, в соседнем поселке, – сообщила мне Валя, – давно уже освободилась.

– Вот бы съездить к ней, пообщаться: двадцать лет не виделись. Ты, наверное, помнишь, как я любил ее в юности сильно, как пытался за ней ухаживать, да она на меня внимания не обращала. Может, если сошлись бы мы с ней тогда, совсем по-другому жизнь её сложилась.

– Ну, ты идеалист, Санька! Была я у нее в гостях с месяц назад. У нее все разговоры только о выпивке да о грубом сексе! До «белочки» допилась, при мне чертикам ногти стригла.

В общем, отговорила меня Валентина, так и не поехал я в тот раз к Лиде. Может, и к лучшему. Позже уже узнал, что она умерла.

Так и осталась она в моей памяти той, «хорошей девочкой Лидой!» Моей Лорелеей! Ведь только памятью живет человек, доброй памятью!

«Ты у меня одна...», любовь первая, безответная, такой и останешься в моей памяти!

«Нету другой такой

Ни за какой рекой,

Ни за туманами,

Дальними странами.»

«Я в весеннем лесу пил березовый сок»

12 октября 2018 г. исполнилось сто лет со дня рождения Евгения Аграновича – автора популярной песни из кинофильма «Ошибка резидента». Услышал по радио эту новость и саму песню, и память моя своеобразно «отреагировала». Тут же нахлынули воспоминания.

«Halt! Es wird geschossen!»⁵ Кажется, под березой, к которой прибит щит с этой надписью, стоит колода с соком! Два часа ночи! До смены караула ещё пятьдесят минут!

⁵ Halt! Es wird geschossen! (нем.) – Стой, стреляют!

– Этот Родичев, сука, еще и опоздает, – бормочу про себя, и, встав на колени, опускаю в колоду заспанную морду. Березовый сок льется через край, тонкой струйкой течет по сухой траве дальше, за внешний периметр «колючки»!

Охраняю я парашютный склад, расположенный в лесу, недалеко от немецкой деревни Ретцов. До расположения части – шесть километров. Если быстрым шагом, то сорок минут, но мы шагом не ходим, только бегом. Попасть в этот караул не просто – первогодков в него неназначают, только «черпаков» да «дедов». Я здесь оказался случайно – ефрейтор Зязин заболел, и взводный вписал мою фамилию в список за пять минут до развода. Ефрейтор Хорь от злости чуть дырку во мне не протер своими тупыми вологодскими зырками. Его-то назначили в наряд помощником дежурного по части, но, вишь ли, возмутило то, что «салаге» подфартило.

Да и хер-то с ним, он не в моем взводе, мой «дед» – ефрейтор Панько. Это ему я докладываю после вечерней поверки, сколько «дедушке» осталось дней до дембеля. Правда, ошибаюсь часто, и тогда Панько картинно возмущается:

– Ой! Изверг! Добавил «дедушке»⁶ два лишних дня службы! Держите меня семеро, или я его щас изничтожу! Но великодушно прощает, потому что в роте только мы двое можем на турнике «солнце» крутить.

По правде говоря, и Хорь, и Зязин, и Панько – не ефрейтора, а старшие разведчики, а я пока еще просто разведчик. Все мы «диверсанты», точнее, готовят из нас диверсантов на случай войны с НАТО. Каждое отделение – разведгруппа, только радиста из роты связи нашего же батальона придадут, ну и, в зависимости от задания, минера или ПТУРСника⁷ из отдельных рот. Это если надо не только разведать, чего прикажут, но и совершить налет и уничтожить, к примеру, ядерный фугас или пусковые установки Першингов» на старте! Слава Богу, не пришлось идти малой группой на ядерные фугасы. Пробежали два года по гэдэровским лесам, поиграли в войнушку, искали не ядерные фугасы, а «гандоны» – так наш старшина Макаров называл надувные макеты американских ракет, всяких там зурсхоков, серджентов и першингов.

Ну вот, напился сока, заодно и умылся, отлил предыдущий, и на душе легче стало. Меня, конечно же, засунули в самую тяжелую смену, с часа до трех ночи, когда невыносимо тянет ко сну. Деды-то спят по четыре часа до и после своей смены. В карауле всего четыре человека: начальник, он же и разводящий, и трое караульных. Начальник – мой сержант, Женя Окулов, а может Акулов, теперь уже и не помню, как правильно. Хороший сержант, студент-вечерник, тоже меня уважает. Во всей роте только мы двое знаем, что такое производная и интеграл. У него со мной нет проблем, потому что я сразу запомнил все эти тактико-технические данные натовских танков, орудий и ракет, да минно-подрывное дело быстро освоил, и все нормативы по физической подготовке выполняю и перевыполняю.

Сразу после отбоя я подтягивался, делал подъем переворотом и шел спать. Моего же сверстника, «Чижа», «черпаки» Нелюбин и Шарапов заставляли висеть на перекладине до полуночи. Когда нас после карантина распределили по взводам, наш лейтенант устроил что-то вроде знакомства, приставал с душевными вопросами, типа кто мама с папой, чем увлекаешься, каким видом спорта занимался на гражданке. Вот Леша Чижиков и сказал взводному, что имеет разряд по гребле, за что сразу же получил прозвище «Гребец». Шарапову с Нелюбиным особенно нравилось, когда Леша с моей помощью ложился животом на перекладину, застряв в таком положении, дрыгал ногами.

– Давай, «Чиж», гребь, гребь, – ржали «черпаки», лежа на своих кроватях.

⁶ Дедовщина – всем знакомый термин с отрицательной коннотацией. Правда, в подразделении, о котором пишет автор, она носила почти формальный характер.

⁷ ПТУРС – противотанковый управляемый реактивный снаряд

– Не подходи, не трогай, – пресекали они мои попытки помочь бедному Лёше перевалить свое неуклюжее волосатое тело через перекладину.

– Все, отпускайте «Гребца», – подает голос наш «замок»⁸, – завтра еще на стрельбище бежать, пусть выспится.

Колоды под березами стоят по всему периметру склада. Их днем ставят солдаты из парашютной команды. Вот, сейчас дойду до угла, присяду в тени на бревнышко, да покурю, не таясь. А кого бояться: ночью же никого на складе нет, поэтому можно и не шибко-то соблюдать устав гарнизонной и караульной службы.

Так и сделал, не спеша выкурил «гуцульскую», посмотрел на часы. Ну вот, пятнадцать минут прошло, можно пройти к следующей колоде у скамейки из бревен и чурбаков, сооруженной предыдущими поколениями караульных, точнее, не караульных, а часовых. Когда ты напосту, ты – часовой, а, когда разводящий скажет: «С поста шагом марш», ты уже караульный, а тот, кто заступил – часовой! Но в этом карауле никто такой ерундой не занимается. Вот придет Родичев, даст мне пинка под зад, значит, он теперь часовой, а я – караульный. Пулей полечу в теплое помещение жарить хлеб на раскаленной чугунной печке! Спать сразу не удастся, только прикорнуть, когда начальник и караульный заступающей смены заснут. Отцы-командиры нам долдонят, что устав «написан кровью»! Мол, были случаи, когда караульное помещение «вырезали», брали в заложники разводящего и снимали со всех постов часовых. Потому якобы и ввели такую процедуру, что, когда разводящий со сменой подходит к границе поста, часовой должен кричать:

– Стой, кто идет?

На это разводящий должен ответить:

– Идет разводящий со сменой!

– Разводящий ко мне, остальные на месте, – требует часовой и выставляет грозно вперед дуло автомата. Бывали случаи, когда подходили с разводящим подставные и «снимали» часового. А так, стой, стрелять буду, и автомат с предохранителя. А патрон уже в патроннике, остается только на курок нажать, и пошла очередь!

А на наш богом заброшенный караул в социалистической Германии кто нападет? Был, правда, курьезный случай, забрел из гаштедта в Ретцове пьяный немец. Нелюбин, как и положено, прокричал на русском и на немецком «Halt! Ich werde schissen!» (Стой, стрелять буду!) Так комрад сразу протрезвел, да от страха в штаны наложил. Еле отмылся потом бедняга, а Нелюбину благодарность и отпуск на Родину!

Вот в части – уже серьезный караул, семь постов! Пока разводящий со сменой все посты обойдет, да вернется в караулку, уже и отдыхать некогда, следующую смену пора будить. Я помню, был у меня такой случай в карауле! Нет, не снимали нас враги, но стрельба была. А стрельба в карауле, тем более необоснованная – хуже не бывает прокола. Начальником был мой взводный, а я замом и разводящим одновременно. Сразу не задался караул: ночью проверяющий приходил, нашел кучу нарушений. Ладно бы только печати на складах с кальсонами оказались нарушенными, так один часовой курил на посту, другой вообще забрался на вышку и заснул. Короче, взводный уже в предчувствии, что завтра комбат ему «шею намылит», говорит мне:

– Да! Все, что можно, в этом карауле было, только стрельбы не случилось!

Не успел он договорить, как раздается очередь в караульном помещении. Мы туда, дверь открываем, сидит бледный Казачёнок, не молодой уже солдатик, год отслужил, а в полу – пять пулевых отверстий. Баловались, гавнюки, пока ждали смены караула. Казачёнок автомат с предохранителя снял, передернул затвор, а палец на спусковом держал, очередь и пошла. Благо хоть не целился ни в кого, ствол вниз был направлен, без трупов обошлось.

⁸ «Замок» – заместитель командира взвода.

Ну, это так, лирическое отступление, хотя настоящая лирика впереди. Я-то родился и вырос в казахстанских степях, где березок-то отродясь небыло, откуда мне было знать вкус березового сока. Мне бы пропел кто: «Я в осеннем лесу пил березовый сок», – я бы и не понял, что так бывает только, если ты его, забродивший, с собой в бутылке принесешь. И не знал до армии, что береза «плачет» весной! Только в Германии его впервые и попробовал, вернее, вволю напился. На втором году службы уже сам начальником караула ходил. В те годы как раз еще одна песня появилась, в которой были слова: «И Родина щедро поила меня Березовым соком, березовым соком!»

Такой вот получился парадокс. То ли Родина меня поила соком, то ли то, чем она меня поила, был вовсе не сок, а портвейн? Или Германия стала моей второй Родиной? Забавно, не правда ли?

Я и черники-то вволю наелся в ГДР. Мы ведь все время, кроме политзанятий, в лесах проводили. Бегали, как мустанги, по азимуту или искали ракеты на старте. Кто в армии служил, тот знает, что там везде – нормативы! Одеваться – норматив, раздеваться – тоже! Разобрать автомат – норматив, собрать тоже. Подтягиваться, бегать – везде надо в норматив уложиться. Ну вот, прибегаешь весь в мыле на пункт сбора, естественно, опаздываешь, в норматив не уложился. Сержант подходит, командует:

– Рот открыл!

Смотрит, а язык и зубы черные от ягоды!

– Газы! – командует сержант, а это означает, что ты должен быстро (опять же, уложившись в норматив) натянуть на морду резиновую маску.

– Бегом марш!

А до расположения части не меньше трех километров. Формально это не было издевательством: сержант всегда может «отбрехаться», сказать, что отрабатывал с подчиненным приемы преодоления газовой атаки. Но, как говорил товарищ Ленин (правильные вещи иногда говорил):

– По форме – правильно, по существу – издевательство!

Но солдат – существо смекалистое: или клапан перевернет, чтобы дышать наружным воздухом, а выдыхать в фильтр, или вообще его вырвет, но последнее чревато лишним кругом. Только и без клапана дышать в противогазе – не сахар и не мед, тем более в жару, когда липкая от пота резина стягивает морду лица. Благо в Германии морозов сильных не бывает, а в Союзе, рассказывали другие, в сорокаградусный мороз заставляли сержанты натягивать на свою «моську» это чудо резиноделательной отрасли.

Мудры были, все-таки, те караульные, что соорудили здесь скамейку. Удобное для наблюдения место: у тебя все, как на ладони, а тебя никто невидит. Вот в караулке открылась дверь, и в проеме показалась нелепая фигура в шинели. Никак Родичев тащится? Что это он, «с дуба рухнул», еще время смены не подошло?

– Стой, кто идет? – для форсу кричу в темноту.

А в ответ – тишина! А вдруг это не Родичев? С другой стороны, кто еще из караулки может выйти? Диверсант?

– Стой, стрелять буду! Halt! Ich werde schissen, – истерично визжу я!

– Ты что, салабон, охренел? Служба медом показалась? Захотел в следующий наряд в посудомойку? Три раза в день по четыре тысячи тарелок намыть?

– А чё ты молчишь? Вдруг нарушитель?

– Придурок! Кому нужен этот сарай?

– Тем более, трех еще нет!

– Хорь позвонил, сказал, что дежурный по части сюда едет, хочет врасплох нас застать! Вот ведь еще один придурок! Да что с него взять, у нашего замполита – одна извилина и та

прямая! Давай, шуруй в караулку, надо полы помыть к его приезду, не дедушка же будет рогом упираться.

Стало понятно, почему он раньше времени приперся. Ему лучше пятнадцать минут на свежем воздухе погулять, чем встать раком и «опуститься» до мытья полов. Интересно, а вот если, действительно, придется на ядерный фугас идти, как он будет себя вести в дозоре, когда нас двое? Тоже скажет:

– Давай, салабон, вперед, а «дедушка» здесь в тенечке полежит.

А «салабон» то может и ножичком больно поковырять, и получится, как в песне Высоцкого:

«А что ему, кругом пятьсот,
И кто кого переживет,
Тот и докажет, кто был прав,
Когда припрут!»

Хотя, вероятность вернуться живым, когда до линии фронта 500 километров, и у выжившего невелика. Стрелять в тылу врага нет смысла, сразу засекут. Нас даже натаскивали, что если напорешься в лесу на ребенка или женщину, надо их «ликвидировать», не то вернутся в село и скажут, что какие-то дяденьки с автоматами в лесу прячутся. Все, тут хоть какой пояс по карате имеешь, а против батальона военной полиции не попрешь!

К счастью, не пришлось мне в жизни никого убивать! Бог миловал!

Не успел я протереть полы, прополоскать тряпку, как раздался сигнал автомобиля у ворот! Быстро схватил автомат и пропустил машину на территорию склада. Тут же выскочил заспанный Акулов (или Окулов), доложил по форме. Все-таки не прав Родичев: у замполита нашего не одна извилина, а как минимум две! Читать, писать умеет, проверил документы, пошел с Женькой на пост, убедился в целостности всех печатей на складе, нашел мусор за печкой, велел убрать, да проверил по описи все, что должно быть в караульном помещении. Оказалось, что вместо бачка для питьевой воды с краном в наличии аналогичный, но без одного. И кружки одной недосчитался.

– Как же вы проверяли, когда принимали караул?

– Виноваты, товарищ старший лейтенант, – бойко ответил Женька.

А что толку с дураком спорить.

– Завтра утром доложу комбату – промычал замполит и уехал.

Представляю, как его завтра комбат отmaterит при всех офицерах, когда он будет ему эту фигню докладывать. Мужiku за сорок, а он все еще старший лейтенант: долго в прапорщиках ходил. Как затынет свою лабуду на политзанятиях:

– Социализм, коммунизм... Наше социалистическое отечество... Интернациональный долг... Братство по оружию... Коварные планы империализма... Немецкий реваншизм...

Когда закрывал за ним ворота, уже и светать стало. Приперся Родичев с поста, и я лег спать. Это только называется, что ты спишь два часа. Какой сон на жестком топчане в обмундировании, сапогах и шинели? Хорошо, что хоть автомат в пирамиде. Полчаса промучился, пока заснул, да за полчаса до выхода Родичев разбудил: Хорь завтрак привез на дежурной машине. Слышно, как Акулов заходится смехом, слушая свежие анекдоты про замполита. Отчебучил ночью: «накрыл» ребят из кухонного наряда, когда те картошку жарили.

– Захожу в подсобку, а у них там шипит..., – еле сдерживая хохот копирует голос замполита Хорь.

Быстренько съел шрапнель, запил чаем, а сахар взял с собой. Засыплю в ту самую кружку, недостачу которой замполит обнаружил, и с соком выпью. «Родина», конечно, щедро поит, но сахарку жалеет. Всё больше норовит нашу жизнь подсолить!

«В Кейптаунском порту»

В порт Кейптауна, залитый желтыми причальными огнями и светом луны на чернильно-звездном небе, мы «ворвались», как та самая «Жанетта» из популярной песни. На академическое научное судно «Академик Трешников», кроме команды, собралось нас «всякой твари по паре»: полярники, океанологи, метеорологи, гидрографы, зоологи и даже этнограф с лингвистом, которых мы должны были «забросить» на Борнео. На остров Ява, конечно, но они сами предпочитали называть его Борнео и звучит более экзотично и ассоциации вызывает с сыном губернатора острова.

Мог ли я, распевая в детстве: «В Кейптаунском порту с пробоиной в борту «Жанетта» поправляла такелаж», представить себе, что через пятьдесят лет буду своими клешами мести знаменитый причал, как те самые «четырнадцать французских моряков». И клёшей на мне не было, как и на остальных моих соотечественниках, что сошли утром на берег, и такелаж нам поправлять не было необходимости, хотя и потрепали нас шторма в Бискайском заливе. Бедный лингвист, впервые вышедший в море, весь изbleвался, проклял все на свете и твердо решил в Кейптауне «сесть на «паровоз» и вернуться назад, в Питер. Правда, старпом напомнил ему, что «железка» из Кейптауна доходит только до Южной Родезии, а там дикие и голодные племена шона быстро употребят его в пищу, а кишки нарежут колечками, обжарят на костре и принесут вождю как деликатес. Успокоился океан, успокоился и лингвист, а перед заходом в Кейптаун и вовсе ожил и резво болтал по-английски с нашим провожатым из местных аборигенов.

– Спроси у него, Гена, где тут таверна «Кэт», – обратился к нему наш экспедиционный фотограф, как и я, впервые оказавшийся в Кейптауне.

– Какая еще таверна?

Генка был моложе нас и, по-видимому, не слышал этой полублатной песни нашей юности.

– Ну, как там поется: «а на пути у них таверна «Кэт»!»

Генка быстро затараторил по-английски, потом стал объясняться жестами. До нас только доносились слова гида «вотерфронт, вотерфронт». Наконец, Геннадий повернулся к нам и поведал следующее. Местный английский сильно отличается от британского и американского. Они говорят на какой-то троянке, вплетают на каждом шагу «африканс» – голландские слова. Потомки буров, что с них возьмешь? Но, что я точно понял, никакой таверны «Кэт» он не знает и даже никогда не слышал о ней. Во всяком случае, в районе порта такой точно нет. И потом, нынешний порт построен лет 15–20 назад, а старый «Вотерфронт» давно уже слился с городом, и там швартуются только маломерки да частные яхты. Сейчас на месте старого порта – набережная Альберта и Виктории.

Я сам, когда узнал, что «Трешников» будет заходить в Кейптаун, тотчас вспомнил эту песню моей далекой юности. Когда же я впервые услышал этот шлягер? Наверное, в середине шестидесятых, когда опять входили в моду расклешенные брюки. Отец по благу достал для старшего брата путевку в элитный пионерлагерь, республиканский «Артек». Ничего общего с тем, крымским, он не имел, кроме названия. Моря рядом не было и в помине, «степь да степь кругом», хотя мы часто шутили, что в прокат вышел новый фильм – «Подводная лодка в степях Казахстана»! Справедливости ради надо сказать, что (со слов брата) «Артек» располагался в живописном сосновом бору на берегу большого чистого озера с песчаным дном. Как потом оказалось, он стал для сельской провинциальной пионерии настоящей школой жизни. Брат там начал курить, ругаться матом и выучил множество блатных и околблатных песен, многие из которых в девяностые годы вошли в альбом Макаревича «Пионерские блатные...». Естественно, весь усвоенный им лагерный «фольклёр» тотчас перетек в нашу повседневную жизнь. Теперь молодежь в поселке, выпив портвешка, выла под гитару песни о том, как, узнав в

приговоренном к расстрелу за «мокрое» дело сына, «повесился сам прокурор», как «по тундре, по железной дороге», мчится поезд Воркута – Ленинград, и в том числе, как в Кейптаунском порту «увидев англичан, французы были все разозлены!» Где этот Кейптаун, что это вообще такое, никто из нас тогда не знал. «Наверное, где-то в Америке, рядом с Рио-де-Жанейро или Калькуттой, а то и с каким-нибудь Антверпеном». О том, что кто-то из нас сможет сойти на пирс этого самого Кейптауна, даже в голову не приходило. Это все равно, как мечтать о полете на Марс! Потом уже, из курса географии, мы узнали, где находится этот Кейптаун, на каком континенте, а прочитав книгу «Капитан Сорви-Голова», мы играли в «буров», мечтали о скачках по прериям на маленьких лошадках пони. А так как пони у нас не водились, то пытались оседлать молодых бычков и даже взрослых коров. Но животные категорически отказывались становиться лошадьми и неистово брыкались, пытались сбросить седока на землю. И чаще всего им это удавалось. Буров из нас не получилось, да и взрослые мы постепенно.

«Где пиво пенится, где бабы женятся». Мы страшно перевирали текст, потому что пели по памяти, но пели с энтузиазмом, со страстью. Сексуальное чувство только начинало просыпаться. Сейчас-то я знаю, что это гормоны переполняли молодой организм из «оживавших» желез, а тогда, произнося слова, как «бабы женятся», голова начинала затуманиваться. Все наше сексуальное воспитание ограничивалось рассматриванием затертых до дыр «голых» карт и книжкой «Что должна знать каждая женщина»! В ней были картинки, схемы строения половых органов женщины, молочных желез. Из текста мы узнали, что врачи советуют совершать половой акт в первой половине ночи, чтобы имужчина и женщина успели отдохнуть и утром следующего дня оставаться полноценными строителями коммунизма. Заботились авторы отом, чтобы социалистическое общество не понесло урона из-за секса. А вы говорите, что в Советском Союзе не было секса! Оказывается, был, но «советский» и только в первой половине ночи. Стало быть, секс во второй половине ночи был «несоветский» или даже «анти-советский». А потом еще власти удивлялись, откуда в нашем обществе столько антисоветчиков?

Мы покидали Кейптаун поздним вечером. Уже стемнело, когда буксир вывел наше судно из Столовой бухты. За время недолгой стоянки я успел подняться на Столовую гору да побродить по набережной Альберта и Виктории. Таверну «Кэт» так и не увидел, хотя специально не искал. Каждое питейное заведение по-своему хорошо, и все они в чем-то схожи. Из-за нешутливого распространения СПИДа спрос на женщин со «сниженной социальной ответственностью» в Кейптаунском порту упал, а «рома и вина» россияне пьют, как и в любом порту мира, по средствам. Тем более, у нас на судне «были» две бочки «белого золота».

Поднялся на верхнюю палубу и грустно как-то стало. Прямо по курсу – Южный Крест, слева – мыс Доброй Надежды. Надежды на что? Была Атлантика, теперь Индийский океан! А чем меня может удивить Индия? Слонами, обезьянами? Да надоели они уже, эка невидаль. Вот и Кейптаун – город как город, каких много. Не помню, кто из «великих» сказал, что «все мы родом из детства». Вот и еще одна иллюзия детства развеялась, значит, оно окончательно прошло! Похоже, брат, это уже старость на пороге!

«И по камешкам, по кирпичикам...»

Да, трудно мне было в то утро тащиться на кирпичный завод. Обычно, даже не выпавшись, в первую смену выходить легко. Выпив кружкупарного молока, идешь навстречу поднимающемуся над горизонтом солнцу. Оно еще не жжет, как в полдень, а согревает. Утренняя роса лениво испаряется, тонкими струйками поднимается над травой, стелется ковром по впадинам.

Все из-за этой дурацкой бражки. Видеть теперь ее не могу, от одного запаха воротит. Собрался вчера вечером на танцы, а как-то стремно трезвым идти, решил немного расслабиться для смелости. Зашел к соседке Надьке, зная, что её родители гонят самогон. Надька – моя ровесница, но к восьмому классу уже отстала от меня на два класса. Правда, она этим сильно не заморачивается. Помню в детстве кричу через забор: «Надька!». Она голову высунет, а я у виска пальцем кручу! Она, не комплексуя: «Сам такой!»

– Надьк, плесни-ка чуток самогоночки, а то собрался на танцы, надо бы выпить, для смелости, убрать ненужную стеснительность.

– Ой! А у нас все «сухо»; брага, правда, только-только «отыграла». Будешь бражку?

– Ну, налей кружечку.

Выпил я кружку этой дурацкой браги: ну, квас квасом, никакого эффекта, хоть бы чуть-чуть в голову ударило.

– Наливай, Надька ещё: это не брага, а квас какой-то!

После второй почувствовал легкий кайф, но все равно как-то слабовато.

– Ну, бог троицу любит! Плесни, Надюха, ещё!

Это уже утром я понял, что не только третья, но, пожалуй, и вторая кружка были лишними. До клуба-то я дошел благополучно. Помню еще, как танцевал со своими одноклассницами, даже татарку Гулю, что работает в нашей бригаде, пытался прижать и целовать. Она, как «целка», брыкалась, все пыталась освободиться от моих объятий, ругалась по-татарски. «Моя татарский не понимай», но, кто такой «Шайтан», знай. Что было дальше, хоть убей, не помню. Мне потом рассказывали, что я ко всем приставал, эту дуру с первой казармы обнимал и целовал, она плакала, отбивалась и говорила, что она – честная девушка, и у нее жених есть. Друзья дотасили до дома мое бесчувственное тело и передали из рук матери. Та всю ночь вокруг меня колдовала, ругала, а утром еле подняла на работу. Хоть и очень хреново мне было, но не пойти не мог – из-за меня завод бы встал. Вы позже поймете, что не вру.

С утра не радовало ни утреннее солнце, ни плачущая росой трава. Пока шел эти полтора километра, меня трижды вывернуло. Это не считая того, что всю ночь блевал в таз, услужливо поставленный матерью рядом с кроватью. Да, больше не то что брагу, вина в рот не возьму. Богом клянусь!

Пришел на пресс и завалился в тени под навесом, ожидая начала смены. Вскоре подтянулся и мой напарник Васька.

– Ну, что ты, Санек, живой?

– Как видишь, но знал бы ты, как мне хреново!

– Выпьешь стопарик? Я принес специально для тебя!

– Спасибо, друг, только меня от одного запаха вывернет наизнанку! Все, больше ни грамма в рот не возьму!

– Ты уже так говорил после того, как мы упились на учениях по гражданской обороне! Помнишь?

– Помню, да только тогда это потому так плохо закончилось, что водку с портвейном мешали! Ну, да ладно, сейчас Федя пресс запустит, и некогда будет думать, только поспевай грузить да разгружать.

Нам с Васькой по 16 лет, и мы катаем вагонетки с кирпичом- сырцом от пресса до сушильных сараев. Рельсы уложены по кругу, точнее, по эллипсу, от пресса до сараев и обратно. Пока один каталь толкает гружёную вагонетку к сараям и выгружает кирпичи на транспортер, другой в это время загружает свою. Пресс – это что-то вроде большой мясорубки, только загружают в неё не мясо, а сразу полтонны глины с водой, и выходит из него, как паста из тюбика, однородная глиняная «фигня» прямоугольной формы. Специальным резакон с двумя струнами Гуля отрезает по два кирпича, откатывает станок вправо, и снимает их, на посыпанный опилками, стол. Станок подъезжает обратно к жерлу пресса, и Гуля отрезает следующую пару. Если она припоздает, то ограничитель врежется в крайний кирпич, и он получится толще обычного; если же поспешит, то первый кирпич будет тоньше. Строго говоря, это – брак, но мы не обращаем на это внимание. Грузим на тележку все подряд. Для нас самое главное – количество, а не качество. Ведь за каждую тысячу мы с Васькой получаем по одному рублю. В те годы это были приличные деньги. За смену мы откатывали по 6–7 тысяч, если не ломался пресс, а ломался он часто. Тогда Федя крепко матерился и принимался чинить его, бормоча при этом, как Эдик из «Кавказской пленницы», вспоминая вместо Аллаха начальство, которое не обеспечило его приводными ремнями, запасными шкивами и новыми форсунками для дизеля! Федя был лет на десять старше нас, на танцы уже не ходил, а водку пил с соседом, втихаря от жены.

Но, несмотря на частые поломки, за месяц при хорошем раскладе удавалось заработать до ста рублей и больше. По тем временам это был приличный заработок. Я в то лето на свои деньги пошил брюки-клеш и купил транзисторный приемник. Его, правда, через неделю после начала занятий в школе отобрала у меня эта рыжая бестия Лапа. Это какую лапу нужно было иметь в районо, чтобы стать директором школы! Более тупой училки в Озерной школе, наверное, просто не нашлось. Транзистор она вернула мне только перед выпускными экзаменами.

Должность каталей передавалась по наследству, вернее, по возрасту. Те, кто переходил в десятый класс школы, уступал это место девятиклассникам. Вот и в это лето нас собралось четверо одноклассников и одноклассников. Неделя – в первую смену, следующая – во вторую. Работа была физически тяжелой, но мы к десятому классу уже «накачали» мышцы в интернате, занимаясь атлетизмом. Володька по кличке «Амбал» работал в паре с Савой (это не церковное имя, а сокращение от фамилии Савицкий), а я – с Васькой.

В то утро первую вагонетку грузить было ну очень тяжело, а потом я втянулся в работу, в конвейер, и о своем дрянном состоянии думать было некогда. А на третьей тысяче стал уже подначивать Гулю. Она вначале сердилась, все выговаривала мне:

– Как ты себя нехорошо вчера вел!

– Это ты нехорошо себя вела, не давала себя поцеловать...

– Саша, ты нехороший человек! Разве можно приставать к женщине, у которой муж и дети...

«Так какого хера, – подумал я про себя, – ты приперлась вчера на танцы? Дети, положим, есть, сам видел, а где тот муж?»

Гуля делает вид, что злится, а сама, вижу, уже ждет, когда я подкачусь со своей вагонеткой и начну приставать с разговорами. И так часа два, до перекура. Правда, мы с Васькой курим на ходу. Ему-то родители уже разрешают, а я от своих скрываю. Тоже мне, «секрет Полишинеля». Они, конечно, давно знают, просто я открыто перед ними курить не пытаюсь.

В перерыв сбегал на озеро, искупался и вообще почувствовал себя прекрасно, даже есть захотелось. Гуля угостила чебуреком.

– Это наш национальный еда!

– Не знал, что это – татарское блюдо, теперь буду есть чебуреки и тебя вспоминать, восточная красавица...

– Саша, у тебя голова нет! Ты еще мальчишка молодой...!

– Да, я еще мальчишка молодой...

Подкатив вагонетку к транспортеру, мы выгружали на движущуюся ленту кирпичи, которые медленно «уплывали» в темноту сарая. Там девочки их снимали и расставляли колодцем. Окон в сараях нет, и дневной свет проникает туда снизу, потому что стены не доходят до земли. Это специально так устроено, чтобы в сарае сквозняк был, и кирпич быстрее подсыхал. Правда, лучики солнца пробивались кое-где через дырки в стенах и крыше. Если всмотреться в темноту, то кажется, будто это наклонные белые нити там и сям спускаются с крыши на землю. И как в этих нитях не путаются работающие в сарае девчушки! Если бы не их детские разговоры, то, глядя на них, можно было подумать, что в полутьме орудут инопланетяне.

– Валя, ты все время меня толкаешь, – жалуется самая маленькая.

– А ты отходи в сторону, когда я «груженная» – отвечает дылда.

– Ой, девчонки, а сегодня в клубе «Фантомаса» показывают.

– Так нас же на вечерний сеанс не пускают.

– Ну и что: как журнал кончится, так боковые двери откроют, духота ведь в зале. Мы и пролезем в темноте.

Правда, с каждой тысячью девчонки удаляются вглубь сарая, и их голоса превращаются в «щебетанье».

После смены Васька пошел к себе на Лысановку, а я – в центр. Впереди стайкой шли девчушки из сарая. Самая длинноногая «уперла» уже на сотню метров вперед, остальные вытянулись в цепочку, как гусята, выстроились по росту, точнее – по длине ног, детских еще ножонок. Одетые в завернутые до колен трико, в клетчатых рубашках, стройные, как тростинки, без бугорков еще на груди. На головах – косынки, а в ручонках – большущие брезентовые рукавицы, все в опилках и глине. Вот и вся их спецодежда.

«И как таких малышей оформили на работу?» – подумал, глядя на эту «стайку». Но эти мои мысли перебили позывы желудка. От ночной «хвори» не осталось и следа.

«Ну, вот, приду домой, наемся борща и посплю пару часиков. А вечером снова на танцы. Надо только Надьку попросить, чтобы брюки погладила, она безотказная. А бражку точно не буду пить, лучше перед танцами выпить на троих «огнетушитель». С него точно не развезет, как вчера!»

«И поезд улетит в сиреневую даль!» (Заварзины)

В Чупу я приехал поездом вместе с моим «хорошим начальником» Андреем, или Дрюней, как его за глаза называл Вовка Лапаев, а, попросту – Лапай, другой наш попутчик. До мыса Картеш, где располагалась Беломорская биологическая станция, от причала по чупинской губе нас должно было доставить судно «Профессор Владимир Кузнецов». Губой в тех морях называют маленький залив, что-то вроде норвежских фиордов. Может быть, и не только на Беломорье, а везде на северах.

Дрюня, наш формальный начальник, был тогда «в завязке», и треп Лапая, который как раз накануне «расшился», «насытился» в дороге и болтал без умолку, его сильно раздражал. Действительно, Лапай по десять раз на дню повторял, как заезженная пластинка, одни и те же фразы.

– Приедем в Чупу, завалим в шушарку (так Лапай называл столовую), поедим борщочка! Да под водочку!

– Да заткнись ты, придуток, достал уже. Столовую при ГОКе давно уже закрыли, а школьная – только с первого сентября!

– Я три сеточки везу! Сразу по приезду поплывем в Круглую бухту, поставим на камбалку!

– Хрямбалку! Плавает только говно! Уймешься ты, наконец, или нет?

– Так я ж не тебе, а Петровичу говорю, он человек новый, первый раз на Картеш едет! Ты-то, когда водку кушаешь, с удовольствием копченой камбалкой закусываешь!

– Ну, вот и заткнись, к черту, закусывай давай, чтобы рот был занят!

– Коля Рыбаков уже, наверное, все глаза проглядел, сидит накрылечке, ждет прихода «Кузнецова»?

– Хренцова! Слушай, Лапай! Ну, надоело, одно и то же. Хоть бы пластинку сменил!

Вот такие диалоги пришлось мне выслушивать, пока ехали в поезде. Андрюшин дед был военным моряком, участвовал в боях за Севастополь, а отец, Сан Саныч, в свое время был старшим механиком («дедом») на судне, которое позднее сменил «Кузнецов». Давно это было, но всё правда! Дрюня, можно сказать, вырос на Картеше, всех знал, и его все знали еще с мальчишеских лет.

Мне не раз приходилось выпивать с ним. Трезвым он был интересным собеседником, любил говорить про море, рассуждать на исторические темы, особенно про освоение Крыма и Причерноморья в славные года матушки Екатерины. Правда, он частил, выпивал без закуски подряд несколько стопок. Уже солидно захмелев, он переводил стрелку на производственные темы. Я по его состоянию уже понимал, что сейчас он задаст свой коронный вопрос. Нет, не «Ты меня уважаешь?», а «Скажи, хреновый у тебя начальник?».

На станции нас и других сотрудников института ждала «буханка»⁹, которая и доставила всех на причал. Когда-то, в первые годы советской власти, в Чупу американцы поставляли за золото паровозы для Советов. Их прямо с кораблей ставили на колеса, и они своим ходом «шуровали» в центр страны. И поныне ржавые рельсы обрываются прямо у обветшавшего причала.

Вот на этом самом причале я и увидел впервые пришвартованное суденышко – «Профессор Заварзин».

⁹ Автомобиль УАЗ, формой напоминающий буханку хлеба.

– Это не наше, – сразу уточнил Лапай, – это университетское «судно»¹⁰, повезет студентов на остров Средний. А наш «Кузнецов» вона прет!

Посмотрев в ту сторону, куда указывал Лапай, я увидел приближающуюся на скорости 18 узлов среднемерку». Это уже было настоящее научное судно, не в пример «Заварзину».

Заварзин? Заварзин! Моментально ожила в голове картинка. Как у Айтматова, буранный полустанок, который официально назывался «Разъезд 295 километр», а местные жители

¹⁰ Здесь игра слов – омонимов: судно как плавсредство и как медицинский инвентарь.

почему-то величали «Первая казарма». Все-таки слово «казарма» как-то привычнее для нашего слуха.

На «казарме» останавливался один единственный поезд «Челябинск – Джетыгара». Мы небольшой компанией провожаем в Караганду Костю Заварзина, белокурого красавца с голубыми глазами, в которого были влюблены почти все наши девочки. И сейчас его, словно конвойные, держали под руки две девицы.

– Как бы надвое не разорвали, – думал я с завистью, потому что сам оказался «расконвоированным». Честно говоря, я и на «казарму»-то поперся в надежде на то, что удастся под ручку пройти хоть с одной из них.

Костя чем-то смахивал на молодого Збруева. Хотя он и на гитаре-то не играл, и не пел, а девочки липли к нему, как будто он медом намазан. Почему все в этом мире так несправедливо?

– Нет правды на земле, – утверждал поэт и добавлял, – но правды нет и выше!

«Заварзин» отвалил от причала и пошел следом за нами, но стал заметно отставать.

– Ежу понятно: у нас 18 узлов, а он максимум может выжать 13, – сказал Лапай, комментируя увиденное. – Вона слева виднеется поселок – Пуланга! От него до Картеша – только зимник.

Что видит, о том и говорит, благо Дрюня ушел пить чай с капитаном, можно и языком «почесать». Наблюдаем с кормы, как в закатных лучах солнца «Заварзин» отворачивает вправо на Средний! Все это – поморские острова. Поморы, знатные мореходы, издавна здесь на островах живут.

– Кругляш, Кандалакшский залив, – доносятся до меня слова Лапая, а у меня свои ассоциации! Джетыгара – семь гор или холмов, кажется, переводится с казахского на русский. Костя поступил в ПТУ и уезжает в Караганду! Он «скован» двумя девицами, словно наручниками. Одна из них, вроде как «главная», имеющая больше прав на него, другая как бы «надеющаяся».

Зима! Морозно и снежно! Когда выходили из поселка, было светло, даже звезды на небо выпали. А сейчас уже и сыплет сверху, и ветер кружит снежком, поземка через пути завоевывает. Полустанок освещен двумя фонарями. Их раскачивает ветром. Фонари издают скрипучие звуки, снег кружит, завихряется в лучах света и уносится прочь, в черную мглу. Тогда еще мы не слышали песни, весьма популярной сейчас: «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда»! Костя-то прощается и, похоже, точно навсегда! Он ждет не дождется, когда придет поезд и увезет его в «сиреневую даль»! А, может, это я занега додумываю спустя сорок лет. И девицы это понимают и все сильнее к нему жмутся. А мне досадно, что ни одна из них не жмет ко мне.

Пора бы уже и поезду быть, а его все нет. Мороз усиливается, да еще ветер со снегом. Я-то в валенках и полушубке, а девицы одеты абы как, уже пританцовывают и Костю теребят. Он, как кукла-марионетка, болтается между ними. Кому-то в голову приходит идея погреться у путейцев. Это – не станция Успенская, где есть зал ожидания с настоящей кассой и печкой-голландкой, а полустанок, но несколько семей путейцев живут здесь же. Люди не совхозные, но их лица узнаваемы: отовариваются в поселковом магазине, мелькают на почте и в бане. Стучимся в освещенное окно, открывает хозяин в майке и трусах. Маленький и худой, похож на Чарли Чаплина – короткие черные волосы с проседью, маленькие усики.

– Да-да, конечно, заходите, раздевайтесь, грейтесь! Сейчас чайку поставлю!

– Нет-нет, спасибо, чаю не надо, сейчас уже поезд подойдет!

– А кто его знает, когда он придет, – говорит уверенно хозяин, – погода-то видите какая, метель началась. Может путя замести! Бывает и до утра не проехать, ждет рассвета, когда путейцы лопатами путя расчистят. А то ветром провода оборвет, а поезду без сигнальных огней как двигаться? Машинист сбавляет ход, вглядывается, как бы под откос поезд не пустить.

В так называемой прихожей, плавно переходящей в кухню, горит лампочка без абажура, а в спальней, отгороженной тонкой фанерной перегородкой с занавеской, ночник освещает несколько детских кроваток и массивную, с когда-то никелированными шарами, железную кровать хозяев. Хозяйка – дородная женщина, слегка укрытая тонкой простыней, делает вид, что спит. Окна в их убогом жилище законопачены, от мокрой одежды и обуви поднимается пар. Душно. Я слегка обогрелся и выхожу на воздух.

– Пойду, посмотрю, нет ли поезда!

– Давай, – блаженно отвечает «целинный пленник» Костя!

Темень кругом! Только фонари полустанка да редкие огни поселка пробиваются сквозь прорехи в снежном вихре. До поселка километра два. Иногда доносится собачий лай.

– Чё брешет-то? Какой дурак будет шляться в такую погоду по улицам? Влезла бы в свою конуру и спала без задних ног. И чё я-то поперся провожать этого Костю? Он мне не друг, и не родственник, а так, бывший одноклассник старшего брата.

Но, вот, сквозь сплошную снежную лавину стал пробиваться свет прожектора.

– Поезд?

Шума пока не слышно, ветер относит звуки назад, но столб света становится все ярче! Врываюсь в помещение:

– Одевайтесь скорее, уже вторую «казарму» проехал!

Все похватали одежду: шапки, пальто, влезли в валенки и высыпали на «перрон». На самом деле никакого перрона нет, несколько железобетонных плит вдоль путей возле самой «казармы». Поезд буквально налетел на наш «буранный полустанок». Мы, было, подумали, что машинист забыл про остановку, но закрипели тормоза, состав стал замедлять ход. Первый, второй, третий... Где-то на шестом вагоне поезд окончательно остановился. Быстренько разбежались по вагонам, стучим в двери тамбуров и купе проводников. Спят, заразы, лень вставать, впустить пассажиров.

Вот в одном из вагонов открывается дверь, заспанный проводник выглядывает на улицу. Мы бежим к открытому тамбуру. Со скрипом поднимается площадка. Костя расцеловывает девиц, те плачут. Косметики тогда еще не было, поэтому черных подтеков на зарёванных лицах не видать.

– Да садись быстрее, минута стоянки, уже поезд трогается, – раздраженно шипит проводник.

Костя на ходу заскакивает в вагон, я забрасываю в тамбур его рюкзак. Все, проводник закрывает дверь, и поезд улетает в темно-белую даль.

«Кондуктор не спешит, кондуктор понимает...». Да ничего он не понимает, и "осиротевшие" девицы ничего не понимают. На полминутки застыли, как жёны Лота, только что в соляные столбы не превратились. На лицах то ли слезы, то ли растаявший снег! «А, может, навсегда ты друга потеряла?»

Вдруг они, взявшись за руки, круто развернулись и быстрым шагом двинулись в сторону поселка. Я, словно надзиратель, побрел следом за ними. Полустанок остался позади, а впереди стали просвечивать слабые огни поселка. Выбрались на дорогу и бодро зашагали навстречу цивилизации, слегка наклонившись вперед, пробиваясь сквозь снежную завесу. Меня, действительно, для девиц в эти минуты не существовало, был только «он». Уже в поселке, перед поворотом одна из них обернулась и кивнула в сторону, что, мол, мы туда! Я кивнул головой в противоположную. Вот и поговорили!

– Ты где шляешься в такой буран? – накинулась на меня мать.

– Да ничего я не шляюсь, Костю Заварзина провожали в Караганду.

– Какую еще Караганду?

– Ту самую! Он в ПТУ поступил, на слесаря-сборщика металлоконструкций!

– Какие металлоконструкции? – встрял в разговор отец, – он такой хилый, соплей перешибешь.

– Да там недобор в училище, всех подряд берут. Дают обмундирование, да еще и стипендию платят. Можно я тоже поеду? – стал канючить старший брат.

– Какая Караганда, какое ПТУ? Ты же только закончил одно училище, на радиста. Кто тебя отпустит? Совхоз за тебя деньги платил, теперь ты должен отработать два года!

– Да не срывается у меня с Мостовым. Он постоянно мною недоволен, вечно бурчит, подставляет перед Барсуковым.

– Ладно, с Барсуковым я сам поговорю, – вновь вступает в разговор отец, – может, и подпишет заявление на увольнение без отработки на каком-нибудь «активе».

– Ты что такое отец говоришь? – опять встречается мамаша, – нечего ему где попало и с кем попало шляться, пусть в совхозе работает. Радист! Что еще надо? Руки не в навозе, не в машинном масле. Работа чистая, непыльная! И зарплата приличная, сто двадцать рублей. Трактористы и комбайнеры, правда, и больше зарабатывают в сезон, так они и «пашут», как проклятые. Зато всю зиму отдыхают, технику к посевной готовят.

– Шурик Алимов тоже к Косте собирается в Караганду! Плевать он хотел на большую зарплату!

– Ну, так он и заработал себе на три года вперед, – пытается заглянуть в алимовский карман мамаша, – может теперь шляться по Карагандам. А мы тебя тянули, думали, что ты теперь сам будешь зарабатывать. А на той стипендии да обмундировании не шибко-то проживешь, будешь опять с родителей тянуть!

Костю я больше никогда в своей жизни не встречал, забыл о его существовании. Закончив через год среднюю школу, я уехал в Ленинград, где и растворился на 40 лет. Одна из девиц через год вышла замуж, другая уехала черт знает куда. И вот это научное судно. Сомневаюсь, что оно названо в честь того Кости, но воспоминания об этом вечере на «буранном полустанке» унесли меня опять в «сиреневую даль»!

«Во ку, да во куузнице...»

О чем я думал, возвращаясь в расположение отряда? Конечно же, хотелось сразу же раздеться и завалиться в постель. До подъема оставалось чуть больше пяти часов, и хотелось выспаться и отдохнуть. Завтра опять целый день таскать эти дурацкие носилки с бетоном и вываливать его в бездонные ямы фундамента.

Из этой картины мира меня вырвал ослепительный сноп огня. Опа! Попался, как «кур в ошип», оказался в перекрестии света фар от двух тракторов «Беларусь» и был виден своим «противникам», как те немецкие самолеты в перекрестии прожекторов войск противовоздушной обороны, что показывали нам в кино. Но сейчас это было не кино, а я, хотя и был на советской территории, но не на своей земле. «Коми хлеб едите», заметила одна старая комячка. «Не склоняется ни по числам, ни по родам, ни по падежам этноним «коми», сразу предупредил нас комиссар объединенного стройотряда, но между собой мы часто называли местных жителей «комиками».

И вот сейчас я лицом к лицу столкнулся с ними, и ситуация была далеко не комическая. Почти как у Высоцкого:

Иду с дружкойм, гляжу стоят.

Они стояли молча в ряд,

Они стояли молча в ряд,

Их было восемь.

Недосуг мне было считать, сколько их, но явно больше десяти, плюс двое в кабинах тракторов. Правда, на флангах собрались молодые «волчата», которых можно легко разбросать, когда дойдет до дела. Их преимущество, что их много, и они у себя дома, а у меня под курткой армейский штык-нож, близость леса и ночная темень. Но нож я, конечно, вытащу в крайнем случае.

Хотя фильм «Место встречи изменить нельзя» вышел года через три после описываемых событий, но задним числом я помню, что чувствовал себя, как Володя Шарапов, попавший в лапы к «Черной кошке»! Я косил взглядом, следил, чтобы эти «волчата» не напали на меня сзади.

В роли «Горбатого» был парень лет двадцати. Он стоял посредине и немного в глубине шеренги.

– Ну что, давай поговорим, – обратился он ко мне.

Страх постепенно улетучился, осталось только чувство опасности и настороженность. Мысли роились в голове. Надо было быстро соображать и принимать верное решение.

– Давай, поговорим, – выдержав паузу, ответил я, а про себя подумал: «Уже хорошо, что пошел «базар», надо «заболтать» мужика!»

– Откуда путь держишь?

– Ну, зачем в прятки играть, сами знаете, откуда и куда иду.

– И что, не боишься ночью по чужим деревням шататься? Тут же самоеды живут!

– Ну, положим, коми если и были когда-то самоедами, только времена теперь другие. Что случится со мной, уже утром кинутся искать. Вот эти сопляки, – я мотнул головой в сторону «волчат», – все и расскажут дознавателям, когда те их по разным камерам рассадят да покрепче прижмут. И девочки ваши местные видели, куда и с кем я пошел.

– Ну, а если не до конца тебя зарежем? Как тебе перспектива всю жизнь на аптеку работать?

– А что, собственно, произошло? За что вы собираетесь меня «немножко порезать»?

– А чтобы ты с нашими девками не гулял, – высунулся один из тех, что встретился нам с Надей по дороге туда.

– погоди, не суйся поперед батьки, – остановил его «главный». – Ну, что скажешь на это?

– А то, что вы рановато «приватизировали» ваших деревенских девчонок. А вы у них спросите, почему они к нам на танцульки бегают? Мы всех приглашаем, и девчонок и парней. Вы её спросите?

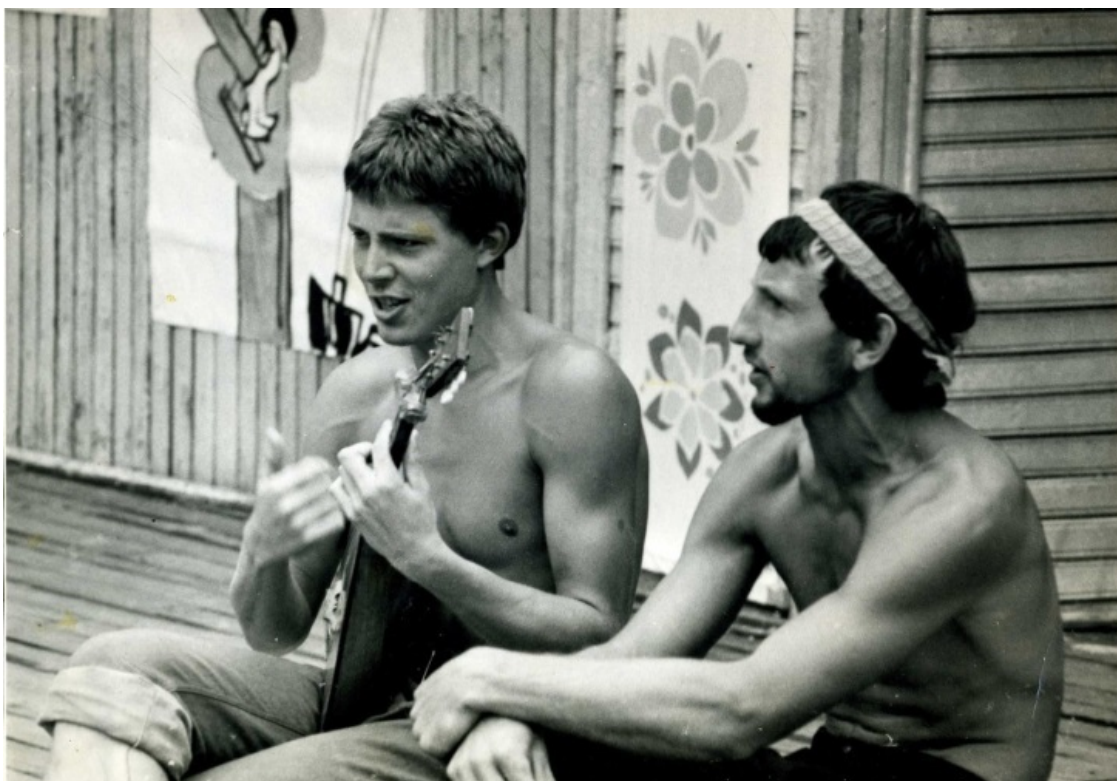
– Славно языком «стелешь»! А ты приди к нам в субботу с ней.

– Да это же он, «кузнец», – громко вслух сказал один, стоявший рядом с «главным».

«Вот он, спасительный шар, – тотчас пронеслось в моей голове, – за это и надо быстрее уцепиться.»

Впервые мы с Антоном спели эту песню где-то на полях Ленинградской области. В те годы положено было в стройотрядах (ССО) брать на перевоспитание «трудных подростков», проводить с местным населением политинформации на полевых станах, устраивать концерты художественной самодеятельности прямо на полях, во время сенокоса или жатвы. Мы выступали с оригинальным номером, пели народную песню «Во кузнице...». Антон наяривал на балалайке, а я вовсю раздувал свои «меха»:

*Во ку, да во кузнице,
Во ку, да во кузнице,
Во кузнице д молодые кузнецы,
Во кузнице д молодые кузнецы.*

Антон – вообще уникам. Он закончил музыкальную школу по классу скрипки, но параллельно освоил фортепьяно и гитару. Если новый музыкальный инструмент попадал к нему в руки, он тотчас начинал на нем играть, дудеть, гудеть и свистеть. Баян, аккордеон, саксофон...

Нет, про саксофон я приврал, точнее, не замечал, чтобы он на нем когда-нибудь играл, но не сомневаюсь, что при желании освоил бы и игру на саксофоне. Как-то в сельском клубе ему в руки попала балалайка. Показал ли ему кто аккорды и бой, или он интуитивно это нащупал, но только сразу же начал наяривать народные мелодии типа «Во кузнице...»! В семидесятые годы народные инструменты были не в чести, про их существование все забыли. А тут балалайка, да такая залихватская песня! На фестивале строительных отрядов в Выборге мы заняли с ней призовое место. Короче, она стала нашей коронной песней. Мы выходили на сцену топлес, волосы у меня были убраны под ленточку. Ну, точно как два бравых кузнеца, только что вышедших из кузницы.

И вот следующим летом мы с Антоном поехали в Коми как «квартиреры», дней на десять раньше всех. Нужно было подготовить для стройотряда жилище и быт. Когда самолет стал снижаться, бросилось в глаза обилие огороженных «колючкой» зон со сторожевыми вышками. «Архипелаг ГУЛАГ» уже ходил в машинописных копиях среди студентов.

Сыктывкар или Усть-Сысольск (как он назывался до 1930 г.) и прибатюшке-царе был перевалочным пунктом для ссыльных, и при Сталине. Нынче не гонят, а привозят этапами, напихав в вагоны «зэков», как сельдей в бочки. Замечу, что обратно «мчали» поездом Воркута – Ленинград.

Но, попав в суету большого города, все эти мысли улетучились. Погрузились в микроавтобус и поехали в райцентр Визинга, где располагалась контора нашего работодателя ПМК¹¹ №4. Природа по дороге, конечно, впечатляла. Вроде бы и то же самое, что в Ленинградской области, а косогоры круче, пространства больше и речки пошире. Визинга встретила деревянной застройкой и дощатыми тротуарами. Тотчас вспомнилась песня Городницкого:

*Укрыта льдом зелёная вода,
Летят на юг, перекликаясь, птицы.
А я иду по деревянным городам,
Где мостовые скрипят, как половицы.*

Укрытую льдом воду мы увидим позднее, в конце августа, а здесь реально поняли, что попали на севера. Еще одно этому подтверждение: в магазинах продается в бутылках не водка, а 70% спирт. Завалились в книжный магазин, и глаза на лоб полезли – в продаже книги, которые в Ленинграде с руками оторвут: Кэрролл, Сэлинджер, Стругацкие, сборники Ахматовой и Цветаевой. Конечно, все авансовые деньги остались в книжном. Дня два мы формировали колонну из вагончиков и двинули в деревню Куратово, где наш отряд должен был возводить молочную ферму, точнее, не саму ферму, а нулевой цикл для животноводческого комплекса.

Село Куратово в Коми – это как Михайловское для русского человека. Здесь в 19 веке, кажется, еще при жизни «нашего всего» родился коми-поэт Иван Куратов. И крановщик, что снимал наши вагончики с колесных тележек, тоже был Куратов и тоже Иван. И почти все жители села носили эту фамилию. Дня два мы с потомком поэта расставляли вагончики на открытом месте, и получился довольно удобный жилой городок, чем-то напоминающий военное укрепление запорожских казаков или цыганский табор – кольцо вагончиков, в центре которого мы установили столовую. Понятно, что еда для студентов – всему голова, после девушек, разумеется. Столовая у нас была славная – настоящий вагон-ресторан. Экзотика – сидишь, обедаешь и посматриваешь в окно вагона, а за окном красивый вид – поросшая мелким кустарником долина рябщей на солнце речки Ель и до самого горизонта – поля и перелески.

В деревне еще сохранился прежний крестьянский быт, различные туески и короба, орудия труда и ремесла, плетение из лозы и лыка. Конечно, для совхозного скота сено косили уже

¹¹ ПМК – Передвижная механизированная колонна

механической косилкой, но для личного – специальной косой с изогнутой, как бумеранг, ручкой. Косят ею внаклонку, согнувшись в поясе, без всякого замаха. В одну сторону, затем ловко переворачивают косу и делают движение в другую. Возможно, это труднее, но экономят одно движение. Ведь нашей «литовкой» ты делаешь сначала замах, а потом скашиваешь траву. А коми-косарь каждым движением срезает порцию травы, правда, и захватывает меньшую площадь.

Еще удивило, что сельские жители не имели сепаратора для получения сливок. Как-то, еще в наше квартирничество, мы обменяли у шофера бидон молока на бутылку рома. Напились молока вволю, но литров 30 еще оставалось. Что делать? Пошел я по дворам в поисках сепаратора. Прошел чуть ли не пол-деревни: ни у кого нет.

– А как же вы сметану-то добываете?

– Да мы ложечкой!

Самое смешное, что в очередной избе я «нарвался» на заведующую фермой, молодую девицу. Она, конечно же, сразу просекла, откуда у нас образовалось молоко, обещала завтра поутру наказать шофера и на нас кому следует пожаловаться. Не знаю, как она поговорила с шофером, а для нас никаких последствий не наступило, разве только то, что она потом зачастила к нам на танцы.

Ну, про танцы речь впереди, а теперь про художественную самодеятельность. Когда приехал весь отряд, мы, естественно, в выходные выезжали на поля и давали концерты. Иногда нас включали в районную или республиканскую агитбригады, и мы разъезжали уже по всей земле Коми. И опять мы с Антоном были фаворитами. Наш дуэт заметили работники республиканского телевидения и пригласили сняться. В Сыктывкар нас привезли на машине, а обратно мы добирались на перекладных, автостопом. Запись была утром, нас заставили одеть куртки, не рискнули снять обнаженных по пояс кузнецов! Ну, была в те времена такая дурь: все подстраховывались в мелочах, «как бы чего не вышло»!

Добрались мы до расположения отряда поздно вечером, когда уже ролик с нашим участием прошел на экранах, но местные жители наше выступление увидели и вот, кстати, припомнили.

– Ну и что, «кузнец», какие у тебя планы на нашу Надюшу? – уже более мирно продолжил разговор «главный», – нравится она тебе?

– Планы серьезные, и она мне нравится!

– Может, женишься?

– Может, и женюсь! Только мы пока об этом не думали.

– А почему вы с ней таитесь, к нам в клуб на танцы не приходите?

– Да как-то не приходило в голову.

– Ну, так ты приходи в субботу.

– Хорошо, приду.

– Точно придешь, не испугаешься?

– Ну, а чего мне пугаться, если ты приглашаешь! У вас, наверное, как у всех, гостя обижать нельзя?

– Хорошо, будем ждать обоих в субботу.

– До субботы, – ответил я и, поняв, что разговор окончен и ситуация разрулена, пошел своей дорогой. Фары погасли, я бодро зашагал по дороге в сторону Куратова, как вдруг почувствовал удар по голове.

«Ну, что же я опять бдительность-то потерял, расслабился?»

Резко развернувшись, увидел, что меня догнали два «волчонка», и один из них снова замахнулся солдатским ремнем. Пригнувшись, я захватил рукой ремень и резко дернул его в сторону. Сопляк полетел в кювет. Другого ткнул открытой ладонью в лицо, так что он опроки-

нулся на спину. Не дожидаясь, пока подоспеет подкрепление, побежал по дороге. Фары снова зажглись. Резко свернул с дороги в поле. Позади слышен топот ног. Бежали двое или трое «волчат», остальные отстали. Развернулся и резким движением выхватил из ножен штык. При свете луны блеснуло его длинное лезвие с кровопускательными канавками.

– Ну, давай, кто первый?

Видно, не ожидали такого расклада, остановились. Начали болтать между собой на зырянском. Развернулся и ускорил шаг, все время оглядываясь. Вот и заросли кустарника. Попетляв по нему, постоял, прислушался.

«Вроде отстали».

Ощупал голову. Видно удар пришелся не ребром пряжки, а вскользь, кожу на голове расколо, но спасла толстая вязаная шапка. Ничего, жить буду. Не кстати, а может, как раз, кстати, пришли на память строки Сельвинского:

*И я себе прошел, как какой-нибудь фертъ,
Скинул джонку и подмигнул глазом:
«Вам сегодня не везло, мадамочка смерть?
Адью до следующего раза!»*

Командиру отряда я рассказал об этом случае спустя лет десять. Марик вначале покраснел, потом посерел. Задумался, видимо прокручивая в голове перспективы самого плохого сценария.

– От кого угодно ожидал такую подлянку, – после долгой паузы выдавил он из себя, – но только не от тебя!

Естественно, в субботу я ни в какой сельский клуб не пошел. Удар по голове и дальнейшее преследование я расценил как одностороннее нарушение договоренности. Надю «до крыльца» я больше не провожал, так, целовались и обнимались после танцев в нашем «баре» или в другом закутке. Последний вечер перед нашим отъездом мы провели в куратовской школе: она «одолжила» у матери ключи. И тоже, только поцелуй и страстные объятия. Конечно же, я пытался добиться большего, но она меня остановила, сказав:

– Нет, не надо, не то на следующий год мы будем встречать тебя вдвоем!

Но, на следующий год мы с Антоном пели уже на Вычегде, с Надей не встретились, и никогда больше я ее не видел.

*Они куют да куют,
Они куют да куют,
Куют, Дуне приговаривают,
Замуж Дуню уговаривают.*

«Губит людей не пиво, губит людей вода...»

Дело было летом 1974 года, после окончания «рабфака»¹². Так называемая «сессия» была «успешно» сдана, и мы ждали «поездки» в стройотряд. Почему слово «поездка» я взял в кавычки? Да потому, что ехать никуда не надо было, ибо работать предстояло вместе с югославскими студентами в Купчино,¹³ а жить в «шестерке»¹⁴.

К «выпускному» Кочкин «пива наварил!» Не подумай, мой благосклонный читатель, что он был потомственным пивоваром. Совсем наоборот, это был первый опыт в его практике и, пожалуй, последний. Почему последний, ты узнаешь, если хватит терпения дочитать мое повествование до конца. Где Кочкин вычитал рецепт пива и откуда взял солод – один бог ведает. Случайно, наверное, наткнулся в каком-нибудь бакалейном магазине и решил всех удивить. Кочкин, вообще, был большой оригинал. Взять хотя бы то, что он увлекался йогой. Зайдешь, бывало, к нему в комнату, а он сидит в позе «лотоса» и дышит «праной». В это время к нему с вопросами лучше не лезть, не то выйдет из нирваны и вспомнит чью-то «мать», чем испортит карму и себе, и тебе. Еще он мечтал стать психологом, но поступал почему-то на матмех. Над его койкой в общежитии висел портрет Зигмунда Фрейда с надписью: «Что в голове у мужчины?»

¹² Рабфак (рабочий факультет) – курсы, позже собственно факультеты, которые подготавливали рабочих и крестьян для поступления в ВУЗы, существовавшие с 1919 г. до середины 1930-х годов. Рабфаками также неофициально именовались подготовительные отделения вузов, создававшиеся в 1970–1980 годы. Выпускники рабфаков зачислялись в вузы без вступительных экзаменов. Хотя старый термин «рабфак» в официальных актах не использовался, в неофициальной речи, а потом в вузовских документах и СМИ он обрёл вторую жизнь, нередко употреблялся даже без кавычек. Сведения взяты из Википедии 30.11.2018 г.

¹³ Один из т.н. «спальных» районов Ленинграда-Петербурга.

¹⁴ Университетское общежитие №6, располагавшееся тогда напротив Стрелки Васильевского острова, в створе Биржевого моста. Общежитие №10, или «десятка», находилось в Старом Петергофе.

Специально для пива Кочкин купил эмалированное ведро с крышкой. Каждый вечер, как перед иконой, он опускался перед ним на колени, снимал крышку, с шумом втягивал в себя исходящий из ведра «елей» (а, может быть, «прану»), снимал большой деревянной ложкой пену, облизывал её и оглашал свой вердикт:

– Ещё не готово!

Сгорая от нетерпения, в его отсутствие мы подходили к «священному» сосуду и без всякого трепета черпали кружкой эту темно-коричневую жидкость, плевались и добавляли в ведро воду и сахар, чтобы Кочкин не обнаружил недостатку.

На выпускной «акт» нас собрали в большой аудитории на физфаке, который приютил «рабфак», зачитали приказ ректора о зачислении таких-то слушателей на такой-то факультет, поздравили с поступлением в университет, и все разошлись. «Продолжение банкета» автоматически переносилось в «десятку».

Я сам по натуре – нелюdim, но благодаря Кочкину, с которым учился в одной группе, познакомился с геологами и теологами. Хотя про теологов я, конечно, привираю. В отличие от средневековых университетов в ленинградском не то что факультета такого не было, но и помыслить такое было «грешно»! Это сейчас на философском факультете не только теологию, но и иудаистику преподают.

Не так давно, в одну из суббот выпивали на кафедре истории философии с Лёшкой Руковишниковым и Рауфом Садыковым (тоже выпускниками рабфака), я и спроси:

– А что же вы Гришу Гершензона не пригласили?

– Ты что, – был мне ответ, – он же на кафедре иудаистики преподаёт, таким «правоверным» иудеем стал, что в «шабат» поднять рюмку водки считает работой и тяжким грехом, нарушением заветов Талмуда.

А помню, на «рабфаке» сколько «вина» было выпито с ним не только в субботу, но и во вторник и «враждебную» среду. Лето было жаркое, мы изнывали от жары и спасались от нее на Английских прудах, что между Старым и Новым Петергофом.

Раскинешься на покрывалах среди буйной прибрежной травы, душистых кустов иванчая. Легкий бриз от воды, скрип уключин скользящих туда-сюда лодок и осознание того, что где-то рядом, в прибрежной осоке, остывают полдюжины бутылок Солнцедара». Все это вместе создавало ощущение, что жизнь удалась.

Знаешь ли ты, мой благосклонный читатель, что такое «Солнцедар»? Нет, ты не знаешь, что такое «Солнцедар»! Название, согласишься, очень красивое – дар солнца. Перед глазами возникает картинка, как в фильме Отара Иоселиани «Листопад». Вот под лучами южного солнца наливаются соком виноградные гроздья, осенью их собирают веселые молодые люди – студенты и школьники, бережно укладывают в чистые аккуратные деревянные ящики, мужчины с мощными торсами грузят их в тракторные тележки. Далее виноград по ленте транспортера высыпается в большие чаны, и мощные машины (в фильме, естественно, виноград давят ногами, но сейчас другие времена) выжимают из него сок, который вначале тонкой струйкой течет по желобу, по пути сливаясь с другими, и превращается в мощный поток. Соком заполняют огромные дубовые бочки, в которых он бродит, пенится, играет и, наконец, успокоившись, становится молодым вином. Разлитое по бутылкам, оно прозрачно как «божественный» кристалл.

Нет, дорогой мой читатель! «Солнцедар» с таким же успехом можно было назвать вином, как меня – Папой Римским! Правда, когда все это начиналось, за его основу брали неплохое алжирское красное вино «Мерло» или «Каберне». Его щедро разбавляли водой, добавляли свекольный сахар и для крепости – дрянной спирт. Постепенно доля вина в этом «продукте» уменьшалась, а доля воды и спирта увеличивалась. Если учесть, что вино из Алжира везли танкерами (туда – нефть, а обратно, пропарив отсеки, вино) то «на выходе» получался такой

продукт, что им можно было травить крыс. В народе его называли «чернилами», но пили. А что, дешево и сердито! Нефть тогда была дешевой, соответственно, вино тоже. Я не верю в конспирологическую теорию, что советские вожди специально ставили опыты над людьми, как правильно поет Андрей Макаревич:

*Вечерами за шашлыками
Громко цокают языками,
Удивляясь на стадо с кручи:
«Ох, живучи, ну и живучи».*

Но, вернемся к нашим баранам, точнее, к пиву.

Сами понимаете, что осталось в ведре от кочкинского пива к нашему «выпускному». Опасаясь разоблачения с его стороны, мы за неделю до «торжества» бросили туда пачку дрожжей и всыпали килограмм сахара, так что вместо пива получилось ведро браги.

Торжество началось чинно и благородно. Выпили по рюмочке водки под хорошую закуску, устроили в холле танцы. На нашем этаже все было культурно и весело. Холл еще зимой расписал красками все тот же Рауф. Несколько парусников словно плыли в водах расставленных вдоль стены аквариумов. Народ убегал в комнату выпить стопку и вновь вливался в танцующую среду. И вот в самый разгар веселья в холл ввалился Кочкин с большим черпаком и ведром в руках. С барского плеча всем наливал «пиво» и себя не забывал. Мы-то, кто знал, старались не «злоупотреблять» этим напитком, но сам Кочкин, угощая других, не забывал и себя. В результате он разошелся, показал всю широту своего темперамента, пустился в пляс под «Чинисхана»! Мы-то знали причину этого восточного буйства.

Все бы и обошлось, но на нашу беду на каком-то из нижних этажей общаги философы отмечали окончание сессии. Может быть, кто-то из них тоже «пива наварил», только буянить они начали еще хлеще нашего. Мало того, что все перепились, так стали в окна выбрасывать все, что подвернется под руки. Зачем – непонятно. Витька Гришин (усы у него были подстать Тарасу Шевченко, за что он и получил у нас кличку «Усатый»), начальник общажной дружины, собрал всех на усмирение философов. Возможно, он своим авторитетом и официальным статусом и смог бы «разрулить» ситуацию, да Кочкин ринулся первым. А среди философов слыл «богатырем» Мишка Кирсанов – сибиряк, под два места ростом, косая сажень в плечах. Бывало, трех человек возьмет в охапку, хрен вырвешься. И вот «хороший» уже Кочкин в первых рядах «усмирителей» появляется на этаже и смело так Кирсанова по плечу, типа: «Ну, что вы, братцы, расшалились? Нехорошо!» Кирсанов, конечно, от такой его наглости вначале оторопел. С минуту, пожалуй, смотрел на Кочкина своими пьяными бычьими глазами, потом с криком «Чиво? Ты оборзел!»... схватил Кочкина за одежду и вырвал напрочь клоч. Хорошо что вырвал не вместе с кожей, как Ян Усмарь у разъяренного быка. В результате на месте правой груди у Кочкина образовалась большая прореха. Этот эпизод и явился спусковым крючком. Завязалась драка, закончившаяся вызовом милиции. Кочкина, Кирсанова и еще нескольких участников драки посадили в «черный воронок» и увезли в отделение. Ничего, конечно, серьезного не произошло: ну, заперли в «обезьяннике», составили протокол, дали протрезветь и утром отпустили. Но «телегу» в университет отправили. Естественно, перед ректоратом встали извечные русские вопросы: «кто виноват?» и «что делать?».

Начали разбираться, кто начал, и дошли до Кочкина. Кирсанов-то давно уже был отчислен из университета и жил в общаге по инерции уже третий год. Питался он своеобразно. Трудно все это описать, не выходя за рамки «политкорректности». В те времена у нас училось много студентов из Африки. Мы тогда называли их запросто «неграми» и не знали, что это нехорошо. Позвольте, но в США сейчас человека назвать «цветным», а «негром» нельзя, но ведь слово – «негр» («нигер») переводится как «черный». А разве слово «чер-

ный» – это не обозначение цвета, черного цвета? Значит, обобщенным цветом назвать человека можно, а конкретно черным – нельзя? Как-то нелогично получается. Ну да ладно, буду называть их «цветными» студентами из дружественных африканских стран. Многие из них были сынками или родственниками богатых африканских «царьков», вождей племени или военачальников. Правда, попадались и простые смертные «цветные». Был у нас такой «цветной», которого звали Кобо Чадский, причем прозвали его так не за то, что он был похож на грибоедовского Чацкого из поэмы «Горе от ума», просто он приехал из Чада.

Да, опять я отвлекся. Кажется, я начал говорить про Кирсанова. Так вот, заметит он, что на кухне какой-нибудь «африканский гость» (ох уж эта мне политкорректность, сказал бы «негр», и сразу все стало бы понятно) готовит мясо, и «пасет» его. А у «гостя» уже девочки в комнате сидят, он же не может их без своего внимания оставить: перевернет бюфштекс на другую сторону и бегом барышень развлекать. Кирсанов тут как тут. Ничего, что с другой стороны бифштекс недожарен, он и должен быть с кровью. Прямо со сковородой унесет к себе в комнату, потом её где-нибудь на другой кухне оставит. Это у него было в порядке вещей. Догадывается «заморский гость», кто мясо упер, да разве с Кирсановым будешь связываться. В лучшем случае так покроет «гостя», что тот сразу поймет смысл слов классика: «глаголом жечь сердца людей»!

А что Кочкин? Целый день, бедняга, ходил отчисленным, но его «дело» спустили на тормозах. Как обычно, попугали, пожурили, и через пару дней он вместе со всей компанией «любителей пива» укладывал с «югами» (так мы между собой называли югославов) трамвайные пути на площади балканских стран у метро «Купчино».

Витька – «придурок» и другие рассказы

«Обезьянка»

Когда я познакомился с Татьяной Васильевной, ей было уже далеко за семьдесят, но назвать ее «старушкой» язык у меня не поворачивается. Хотя прожитые годы оставили свой отпечаток на ее лице, она была молода душой! Небольшого росточка, сухонькая, слегка сутулая, она была похожа на маленькую обезьянку.

Я тогда только развелся с одной женой и поселился на служебной площади своей будущей. Татьяна Васильевна была ее соседкой по коммуналке. Она почему-то сразу стала называть меня по имени и отчеству, хотя жену мою звала только по имени.

– Александр Петрович! Вы слышали, что вчера Рейгân (она всегда произносила это имя с ударением на «а») сказал об СССР?

– Нет, Татьяна Васильевна, не слышал; я весь вечер Рахманинова слушал, – с умным видом отвечал я.

– Назвал нас «империей зла!» Так и до войны недалеко!

Войну она помнила, боялась, как и большинство людей того поколения. Однажды начала вспоминать, как их на барже везли через Ладогу «на Большую землю» поздней осенью 1941 года.

– Уже лед стоял! Караван был порядочный, впереди шел большой корабль, лед колот, по бокам небольшие военные корабли. И вдруг в небе загудели немецкие самолеты! Потом завывли сирены! Все в панике попадали на палубу. Сирены режут, страх нагоняют. Самолеты стали пикировать, и вода «как иглами покрылась» от пуль и снарядов. Один снаряд попал в военный корабль. Тот накренился и начал медленно погружаться под лёд. Матросики попрыгали в воду, стали тонуть! Им бросали спасательные круги, да разве добросишь.

Так и застряло у меня в ушах это ее «матросики»! Я сейчас пишу это, и у меня слезы на глаза наворачиваются, а у нее тогда глаза были сухие, ни слезинки, только взгляд печальный, как у Богородицы. Видно, все слезы уже давно выплакала.

– Нас спасло то, что стало темнеть, самолеты улетели, а мы развернулись и пошли назад! Так и остались зимовать в Ленинграде!

Не осталось у меня почему-то в памяти ее воспоминаний о первой блокадной зиме, о голоде: наверное, просто не хотела вспоминать. Верующая была, но религиозности своей никогда не выпячивала. Бывало, в церковный праздник выйдет вечером на кухню:

– Была в Лавре! Как красиво церковный хор пел!

Гости у нее бывали редко, всего три человека. Первая и самая близкая подруга – Вера Васильевна, или Вера Вас, постоянная ее театральная спутница. С ней Татьяна Васильевна обсуждала все новости культурной жизни Ленинграда: где премьера, кто танцует главную партию, кто дирижирует в капелле? Правда, в последние годы жизни у Веры Вас появился друг, и она стала редко посещать нашу квартиру. Татьяна Васильевна, естественно, ревновала ее к нему.

Другой гостьей была Лилечка. Они вместе работали в академической библиотеке. Разница в возрасте не мешала им общаться. У Лилечки была дочь – школьница старших классов, а мужа не было.

Третьей была Аллочка, бывшая соседка, получившая квартиру здесь же на «Ваське», на «кораблях»¹⁵, как любила говорить моя жена. Аллочка родилась и выросла в этой квартире на глазах у Татьяны Васильевны. Приходила она к ней, чтобы пожаловаться на мужа, успокоить сердце и отвести душу.

Пирожки для гостей Татьяна Васильевна покупала только в «Метрополе», а торт брала в «Севере»! Веребочки от торта она не выбрасывала, а аккуратно сворачивала и клала в ящик кухонного стола. Однажды мне понадобилась веревка для страховки от падения с крыши, и я спросил Татьяну Васильевну, нет ли чего-нибудь подобного у нее в хозяйстве? Она с готовностью побежала на кухню и принесла мне целую коробку бечевки.

– Александр Петрович, эти вам не подойдут?

Святая простота! Если допустимо такое словосочетание – «пожилой ребенок», то оно точно о ней.

Иногда «наезжали» в гости племянницы из Иркутска – Зоя и Маша. Помоложе Татьяны Васильевны, но тоже уже женщины в возрасте, и бедная Татьяна Васильевна безропотно водила их по эрмитажам, русским музеям и разным пушкиным. Вечером придут домой, Маша за сердце держится, Зоя на стул падает, а Татьяна Васильевна – такая уставшая, печальным голоском:

– Пришли «лягушки-путешественницы!»

Она родилась в Иркутске, училась на филфаке университета, но в 1930 году с третьего курса была отчислена с формулировкой – «как идеологически чуждая»! Об этом я только в книжках читал, а тут справку самолично видел: так и написано.

¹⁵ «Васька» – так жители Ленинграда–Петербурга сокращенно называют Васильевский остров. «Корабли» – район новостроек в намывной западной части Васильевского острова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.